

Тарнопольский
Владимир
(или поэт?)

19.11.02

Владимир ТАРНОПОЛЬСКИЙ, композитор: Мы плывем без компаса

Мы продолжаем разговор о современной музыке, приуроченный к месячнику традиционного фестиваля Союза композиторов «Московская осень». С Владимиром ТАРНОПОЛЬСКИМ — художественным руководителем фестиваля «Московский форум», преподавателем Московской консерватории и композитором, живущим исключительно на западные заказы, — встрети- лась Екатерина БИРЮКОВА.

— В этом сезоне вы проведе- те ваш «Московский форум» уже в девятый раз. Как-то меняется к нему интерес у слушателей?

— Когда мы начали — в 1993—1994 годах, интерес к нашему фестивалю был обеспечен автоматически. Интерес тогда вызывало все новое, что хлыну- ло из-под железного занавеса. Где-то году в 96-м был заметный спад интереса. Я хорошо помню, как приезжал в Москву один из лучших ансамблей мира — Klangforum Wien — и в Рахмани- новском зале едва можно было насчитать сто человек. Надо ска- зать, что и как организатор я был тогда гораздо наивнее. Сейчас, наверное, мы стали продюсер- ски грамотнее — залы полны. Хотя самая главная моя установка осталась прежней — не сни- жать элитарной планки фестива- ля, его «высоколобости», ника- ких уступок попсовости.

— Что такое «попсовость» в той сфере, о которой мы гово- рим? Мы же не имеем в виду Алену Апиун.

— Например, повторение идей американской музыки со- рокалетней давности, но в гораз- до более наивном выполнении.

— Вы имеете в виду отече- ственный минимализм?

— Я очень серьезно отношусь к пионерам минимализма. Но здешний, иногда откровенно дилетантский уровень, эти россий- ские «сорок лет спустя» — это очень обидно. Мне кажется, главная проблема нашей музыки в том, что у нас как бы потеряна ориентация в культурно-геогра- фическом пространстве и в ре- альном времени, мы плывем без компаса. Мы очень искаженно представляем себе, что происхо- дит в западной музыке. И мы столь же искаженно осознаем реальное место нашей музыки в сегодняшнем мире. Если на За- паде и проявляется к ней внима- ние, то скорее как к особой культурной зоне, представляющей политический или этноис- торический интерес. В этом же ряду стоят китайская, японская или латиноамериканская музы- ка. Мы не прошли, не прожили, не пережили европейский куль- турный опыт 50—60-х. Мы о нем только читали в книгах «Буржу- азная культура и музыка». Мы не знаем все то, что пришло с рево-

люцией 68-го года, с постструк- турализмом, с поставангардом. Ведь у нас не исполнялись даже хрестоматийные сочинения Но- но, Булеза, Штокхаузена, Берно. У нас это все очень вульгарно интерпретируется. И у нас нет «симметричного ответа» этим явлениям.

— Ну, Шнитке и Губайдули- на-то у нас есть. Они популярны в мире.

— Да, конечно, я и сам их люблю, но эта скорее музыка для широкого филармонического слушателя. В среде европейских композиторов мне не приходи- лось встречать большого к ней интереса. В искусстве ведь тоже есть фундаментальное и при- кладное направления — как в науке. Так вот, «фундаменталь- ная наука» в нашей области — это то, что происходит на важ- нейших фестивалях современной музыки, то, что исполняют ключевые коллективы — Ensemble Modern, Intercontemporain, Klangforum Wien. Там вряд ли встретишь музыку Шнитке и Гу- байдулиной.

— За счет чего существует эта «фундаментальная наука» на Западе? И для кого?

— В Европе она, конечно, существует благодаря огромной государственной поддержке. Но если вы думаете, что на эти фести- вали никто не ходит, — это не так. В этом году в Донауэшенге- не — одном из крупнейших фести- валей — яблоку было негде упасть. Но количество публики в нашей области ведь далеко не самый важный показатель. Сей- час мы с ансамблем «Студия но- вой музыки» вернулись из поезд- ки в США, где выступали, в част- ности, в Гарварде. Там в аспи- рантуре учится всего человек де- сять композиторов. Но это те десять композиторов, которые будут определять американскую музыку через десять лет.

— При том, что американ- ское государство — не в пример европейскому — их никак не бу- дет поддерживать...

— Да, там практически нет государственной поддержки. Но там и университетов государст- венных почти нет. Американ- ские университеты уже изна- чально возникли как частные за- ведения. Америка — другая пла- нета, и нам не стоит ее с чем-то

Художественный руководитель фестиваля «Московский форум» Владимир Тарнопольский считает себя реалистом

сравнивать. Беда русской культу- ры, как мне кажется, в том, что она сейчас пытается перейти на американские рельсы, не имея американской базы. У нас нет ни частных фондов, ни соответст- вующих коммерческих и общест- венных институций.

— И вы считаете, что и не бу- дет. Поэтому надо кивать голо- вой на Европу и требовать денег от государства?

— Дело не в деньгах. К тому же на развитие современной му- зыки они нужны минимальные. Проблема в том, что у государст- ва нет в этом отношении вообще никакой политики, нет сформу- лированных задач. Хотя задачи эти абсолютны ясны.

— Например?

— Нужно создать хотя бы не- сколько ансамблей современной музыки. В Берлине, например, их насчитывается несколько де- сятков. Десять лет назад в Мос- ковской консерватории был соз- дан такой коллектив — «Студия новой музыки», но это скорее учебная база, а государственно- го коллектива у нас нет. Необходи- мы электронные студии и на- учные центры по типу париж- ского IRCAMa. Необходимы фести- вали современной музыки. Я стремился создать такой фести- валь — «Московский форум». Но он, несмотря на десять лет своей успешной деятельности и международное признание, — колосс на глиняных ногах: мы не получаем от Минкульта ни копейки. Так что в некотором смысле мы занимаемся художе- ственной самодеятельностью. Система обучения тоже должна меняться. Надо проводить мас-

тер-классы для молодых компо- зиторов, причем не только в Москве, но и по всей России. Иначе вот что происходит: все самое интересное, что было на- писано русскими композитора- ми за последние 20 лет, прошло только на Западе. Там были по- ставлены оперы Шнитке, Дени- сова, Корндорфа, Смирнова. Моя опера, кстати, тоже. Сего- дня все мои ученики вынуждены уезжать на Запад — здесь нет со- ответствующих коллективов, фе- стивалей, фирм грамзаписи, скоро не будет публики.

— Вы — известный песси- мист. Но все же кое-что и у нас меняется. Два главных оперных театра страны заказали по опере Леониду Десятникову и Влади- миру Мартынову. Хотя я пони- маю, что ни тот, ни другой не яв- ляются представителями той «фундаментальной науки», за которую вы ратуете.

— Это колоссальный сдвиг. И выбор имен очень хороший, по- тому что он отражает сегодняш- нюю нашу ситуацию и берет лучшие ее рубежи. Хотя по срав- нению с тем, что происходит в Европе, наш подход выглядит немного наивным. Другая про- блема — наши певцы не знают, что такое современный вокал, они еще толком «Воцпека» Бер- га не пели. Как и каждый компо- зитор, я мечтал бы написать оперу для Большого театра, но я ре- алист. Мы еще не созрели ни эс- тетически, ни организационно. У меня есть серьезный замысел такого рода, но я, конечно, буду искать для него театр где-нибудь в Германии, Англии, Голландии или Швейцарии.

114